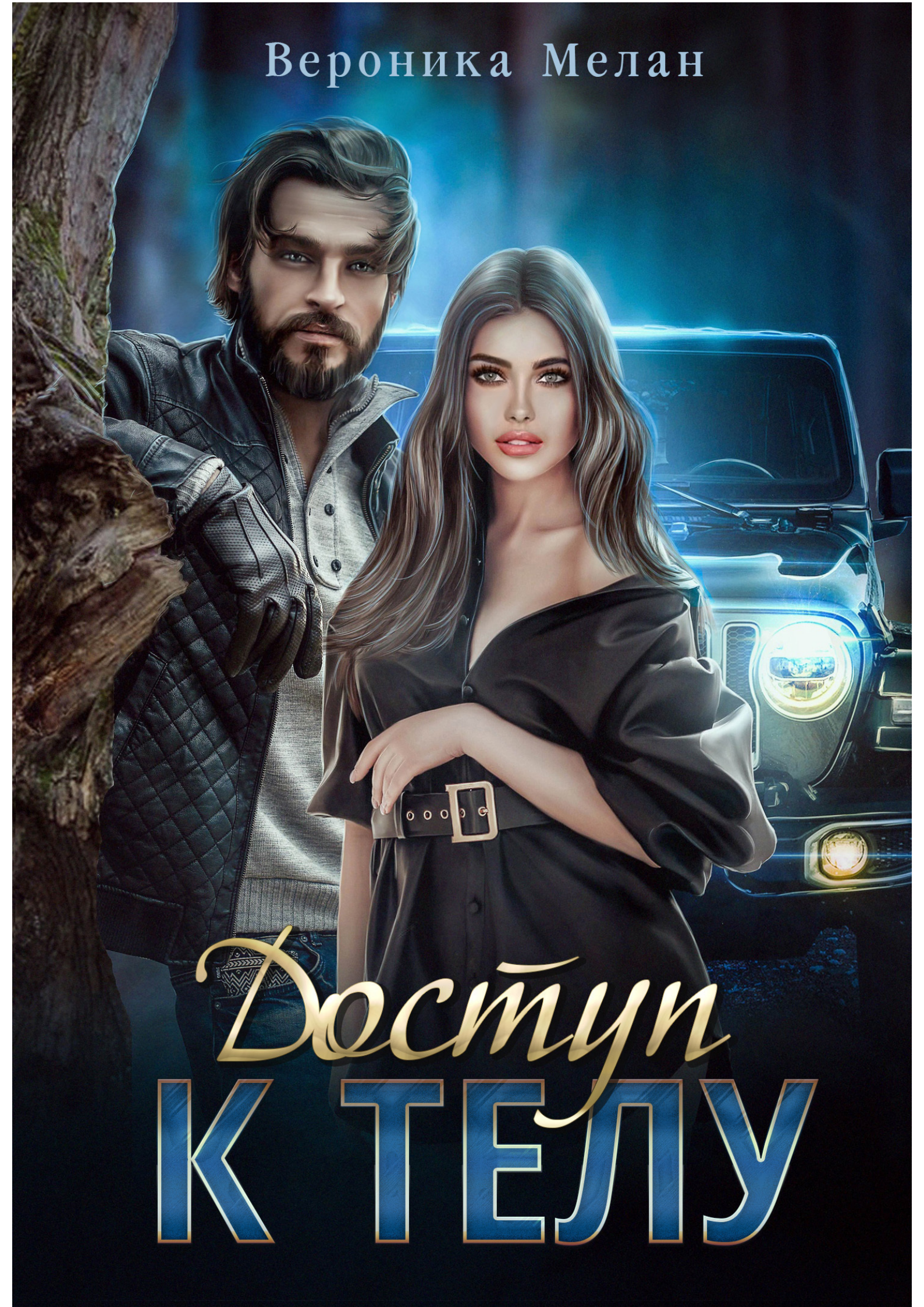

Вероника Мелан

A man with a beard and long hair, wearing a black quilted leather jacket and a grey sweater, stands on the left. A woman with long, wavy hair, wearing a black off-the-shoulder top and a black belt with a gold buckle, stands in the center. In the background, a dark SUV is parked with its headlights on. The scene is lit with a blue glow.

Доступ
К ТЕЛУ

Город

Вероника Мелан

Доступ к телу

«Автор»

2021

Мелан В.

Доступ к телу / В. Мелан — «Автор», 2021 — (Город)

Она едва не спустила новую машину в кювет, хотя очень дорожила ей – всему виной чертов разговор по телефону. И если бы не мужчина на джипе, оттащивший авто от края, Джулиана Майлз уронила бы в пропасть не только два миллиона долларов, но и собственную гордость. Обеспечивший помощь незнакомец денег не попросил, но попросил другое – доступ к телу. К ее телу. Семь раз. В растрепанных чувствах Джулиана ответила «да» и лишь позже осознала, что с этого момента в любом месте, в любое время дня или ночи, как только безымянный мужчина пожелает в гости, ей придется этот «доступ» предоставить.

© Мелан В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вероника Мелан

Доступ к телу

Глава 1

(Dear God – Lawless feat. Sydney Wayser)

За всю свою взрослую жизнь я никогда не была душой.
До этого дня.

Когда вдруг решила, что во время вождения можно достать упавший под ноги телефон. В другой бы раз я не стала, но звонила Келан, которая утром попала в больницу. Она неудачно ударилась затылком и теперь, после обследований, должна была сообщить, все ли в порядке. И вообще, поговорить по телефону, когда ты один в машине, когда нет встречи, когда спокойно рулишь и до города еще двадцать километров, ведь это нормально?

Я так думала. Не учла только, что шоссе на этом участке не освещено, что впереди поворот, что пока я шарю рукой по коврику и под сиденьем, силясь нащупать безмятежно играющий знакомую мелодию сотовый, моя оставшаяся на руле рука чуть расслабилась, и машина взяла ошибочный курс.

Так бывает. Черт, так бывает! Неудачное стечение обстоятельств, и вот ты понимаешь, что ситуация вышла из-под контроля, что поворот давно начался, что ты не управлял должным образом, что надо было раньше! А дальше шорох шин по гравию и бездна...

Я никогда в жизни так сильно не пугалась. Вокруг никого, а я, как в чертовом фильме, как в триллере, судорожно отщелкиваю ремень безопасности, когда капот уже висит над пропастью, стальной корпус качается и вот-вот... Если бы ни дерево – поломанное и почти сухое, задержавшее падение, – мне бы уже лежать там внизу. А так на пузе на заднее сиденье, оттуда наружу через пассажирскую дверь – вся в панике, в ужасе, с шальным сердцем и глазами, полными страха.

Я отползла от места собственной аварии метров на десять, прямо на бетон, и только после этого развернулась. Я только что чуть не угробила саму себя. Собственноручно. Слово «дура» казалось теперь безобидной шалостью, я могла уже лежать в искореженном куске металла на дне.

Тишина. Градусов восемнадцать, девять вечера, и молчит сотовый.

И вдруг подумалось о машине. Дерево чахлое, давно висящее на обочине над пропастью – *почему здесь нет ограждения?* – если вырвутся усталые корни, моя белоснежная красавица, купленная всего неделю назад почти за два миллиона долларов, сорвется вниз. Я все понимаю – кусок железа, бездушный транспорт...

«...но мой первый столь дорогой транспорт...» – подарок самой себе в честь того, что моя компания по продаже косметики впервые взяла разгон по прибыли в пятьсот процентов. Двадцать четыре магазина, часы упорного труда, сотни прочитанных книг. Я бизнес-леди, я успешный предприниматель, я подняла сама себя из грязи до небес, я...

Тяжелый вздох.

Я так радовалась, когда выкатила новую снежную Онди из салона. Мне сигналили на улице. Черт подери, на меня любовался весь свет!

Она теперь висела там.

Нужно было думать о себе, наверное. Благодарить Создателя за подаренный шанс жить дальше, но я лишь понимала – это дерьмовый вечер. Один из самых дерьмовых за последние

несколько лет, может, за всю жизнь. Один порыв ветра, один вырвавшийся из земли под давлением корень, треснувший ствол...

И все равно, что в белом платье задницей на асфальте, все равно, что я давно взрослая. На переднем сиденье осталась моя сумка, два миллиона висят над пропастью. Хоть тяни ее руками за багажник назад, хоть рыдай, как девчонка. Вокруг все равно никого.

Едва из-за поворота показался свет фар, как я уже вскочила и махала руками – помогите! Помогите! Помогите!

Черный джип. Квадратный, брутальный. Меня слепил свет галогенок; авто остановилось, почти сразу хлопнула дверца, водитель вышел наружу. Не успела я сказать и слова, тыча руками в Онди, как прошеествовавший мимо меня мужик бегло и цепко осмотрел место аварии, а после снова направился к джипу.

– Помогите... – Почему-то меня подвел голос, теперь он тихо сипел. – Только не уезжайте...

Впору становиться на колени и валяться в ногах, но не пришлось, потому что незнакомец, которого я в смятении не могла даже толком рассмотреть, не уехал, а подошел к собственному багажнику и достал трос с крюком на конце.

Дальше, как в еще одном фильме, только уже с хорошим концом: медленный буксир, моя красавица отлипает от дерева, шуршит шинами в обратном направлении, а я в соплях от счастья – нам обеим в этот вечер повезло! Я не умерла, два миллиона не в жопу. Когда Онди прочно всеми четырьмя колесами встала на шоссе, рослый незнакомец сначала деловито влез в салон, поставил мой седан на ручной тормоз, только после этого отцепил и принялся сматывать лебедку. И все это, не проронив ни слова. Вот уж истинный пример «мужик сказал – мужик сделал». Первое зачеркнуть.

Он подошел и остановился напротив меня чуть позже, когда сложил крюк в багажник, когда захлопнул его крышку.

(One True God – Addicted)

– Как я могу отблагодарить вас? – лепетала я, понимая, что выгляжу нелепо. В грязном платье и с размазанной под глазами тушью. – Что я могу сделать? Давайте, я заплачу за помощь...

«У меня есть на счете приличная сумма. Сколько бы ни запросил, не убудет». И благодарно помнилось, что не придется на следующей неделе покупать новую Онди.

– Сколько... говорите...

Ему отлично было меня видно в свете фар джипа, а вот мне его почти никак, только абрис фигуры. Приятный такой разворот плеч, не хлипкие ноги, уверенная поза. Мне повезло, что он оказался на той же дороге в тот же час. Если бы не нашел, не помог – до сих пор страшно представить.

Меня рассматривали равнодушно и чуть с интересом – так казалось. Беглой оценкой лицо, волосы, выступающую под платьем грудь, талию, ноги – все это за пару секунд.

И тишина. Я уже хотела повторить свой вопрос, когда низкий, чуть хриплый голос произнес.

– Доступ к телу.

Я подвисла.

– Что?

«Доступ к телу» – что это? Судорожно заметались мысли, мозг после происшествия соображал слабо. Доступ к моему телу? Это в смысле переспать?

Водитель ждал нетерпеливо, ему было пора ехать и некогда было со мной возиться – так чувствовалось.

Я сглотнула. Даже если это означает то, что я думаю, не такая уж и высокая плата за спасенное имущество?

– Да или нет?

Тон жесткий, нетерпеливый.

– Да.

Ответ вывалился тихим, мятым и скомканным.

В конце концов, мне помогли.

– Семь раз. Я тебя найду.

Семь раз? Я даже ответить не успела; некто безымянный уже скрылся в собственном джипе, взревел мощный мотор. Ни тебе прощальных напутствий, ни до свиданья, ни вежливого вопроса – сами вести сможете?

Мужлан! Неотесанный.

Черт, но он ведь прав. Вести смогу... Да и вообще, не такой уж плохой вышел в конце концов вечер.

Онди я заводила трясущимися руками, все еще не веря, что обошлось.

Люси я звонила после душа. Отогревшись от шока в собственной квартире, поставив чайник, но не дождавшись, пока он закипит. Машина в гараже; грязное платье в стирку, лицо умыто. Дрожала в пальцах тонкая сигарета – этим вечером она была мне нужна.

Люси была страшненькой. В смысле не очень красивой, но очень умной. Язвительная иногда, чуть саркастичная, но всегда веселая. Моя правая рука и иногда мое правое полушарие.

– ...Скажи, что значит «доступ к телу»? – я не объясняла ей всего, она умела вникать в тему без предисловий.

– А ты что, обещала его кому? – хохотнула на том конце.

– Неважно, ты мне объясни.

– Ну... доступ к телу, если об этом попросил мужчина, значит, что он может в любое время, когда пожелает, тебя трахать. То количество раз, которое назвал. Он ведь назвал?

Она умела вытягивать информацию.

В моих же мозгах нагло горела цифра семь. Значит, это то, о чем я подумала. Я только что продалась на семь раз. Учитывая стоимость Онди, деленную на семь, продалась я весьма дорого. И не то чтобы сильно сожалела по этому поводу, давно мыслила рационально – если сказал, что заплатишь, плати. С другим мышлением я не выбилась бы на вершину.

– А я не могу ему отказать?

Мне не нужно было видеть ее носатое лицо и жидкие светлые волосы, вечно стриженные под каре, чтобы представить, как Люси сейчас ухмыляется.

– Можешь. Но тогда он будет вправе тебя изнасиловать. «Доступ к телу» – это вроде клятвы. Если ты сказала ему да, то даже в случае насилия Комиссия будет на его стороне.

– Кайф...

Теперь саркастичной была я. Выпустила вверх струйку дыма и поняла, что сопротивляться будет себе дороже.

– Значит, он может попросить об этом когда угодно?

– Хуже. Где попросил, там и дала.

– Что?!

Теперь она откровенно давилась от смеха.

– Ты это серьезно? А если я среди людей на корпоративе?

– Значит, за шторкой или в соседней комнате.

– А если на концерте?

– Будешь слушать арию, сидя на его члене.

– Смеешься?!

Ее забавляло мое искреннее возмущение.

– Сама подписалась. Ну ладно, может, он подождет до конца концерта. Но вообще это работает именно так.

Я не нашлась, что еще сказать. А Люси долго слушала тишину, прежде чем крякнуть.

– Надеюсь, он хотя бы симпатичный.

И я с досадой подумала о том, что не знаю даже этого.

Глава 2

(Billie Eilish – ilomilo)

Фил крутился ужом на сковородке и производил впечатление, как мог: то заговаривал о перспективах более тесного сотрудничества наших компаний, то ударялся в скабрзные шутки, то становился галантным и подливал мне вина.

На вино я налегала. Нет, не особенно сложный рабочий день, но друг за другом ровным кругом мысли: «А когда незнакомец объявится?» Все это держало зажженным мой внутренний фитиль, ведущий неизвестно куда.

Мужчина, с которым я согласилась на свидание лишь потому, что за месяц устала от его многозначительных взглядов и подкатов, воспринимал мое молчание за снисходительное поощрение собственного поведения и раздухарялся:

– Подпишем договор о больших поставках...

(Он поставлял косметическое сырье для моего производства).

– ...наладим совместные проекты, наберем обороты, сблизимся...

Кажется, он имел в виду «съедемся». Или показалось?

«Ничем не выдающийся, – думала я, – средний во всем». В меру забавный, в меру деликатный, в меру распушенный, в меру симпатичный. Не очень высокий, чуть-чуть харизматичный, способный произнести и пошлость, и цитату великого философа. Этим вечером я собиралась раз и навсегда для себя прояснить, нужен он мне или нет. Мыслями, однако, витала в соседней галактике.

Все определяет один поцелуй. Первый. Если тебе противно, как человек целуется, продолжение обречено. Даже если у него нормальный пип. Но если у него никакой пип, тогда вообще катастрофа, и будь твой партнер гением-математиком, шедевральным пианистом или мастером куннилингуса, это ничего не изменит.

– Джулиана, ты где? Ты со мной?

Я ласково и чуть пьяно моргала поверх бокала. Испытывала странную смесь напряжения и алкогольного расслабления. Вместо ответов Филу, пыталась вспомнить тот минимум, который зафиксировала память во время вчерашнего происшествия. Мужик из джипа был большим. «Тяжелым» – есть такой тип физического сложения. Как у солдат, воинов, бойцов. И кажется, небритым. А дальше все – пусто. Много выхваченных в моменте левых деталей, типа света фар в глаза, травы на обочине, цепочки поверх черной майки, темные волоски на руках, но ничего по-настоящему нужного и важного. А если он некрасив? Или у него пахнет изо рта?

«Придется перетерпеть».

И вообще, когда его ждать?

– Ты меня совсем не слушаешь?

Я красивая. У меня правильные черты лица, шоколадные волосы, талия, над которой я не один год работала в тренажерном зале, и отличная, третьего с половиной от природы размера, грудь.

«Не придется тратиться на пластику».

Он залп на меня и попросил доступ к телу, потому что давно не трахался? Или потому что запал на мои внешние данные?

Однажды узнаю.

– Джулз?

Не люблю, когда меня так называют; улыбка Фила сделалась чуть натянутой. Он пригладил свои гладкие, зачесанные набок черные волосы; блеснули под голубой рубашкой часы. Все, пора прояснить главное – если поцелуй не понравится, продолжать не стоит, теряю время.

И едва ли не впервые за вечер загадочно улыбнулась.

– Может, продолжим у меня? Или у тебя?

А следом мысль: «Если сойду с Филом, а после явится незнакомец, будет ли секс на стороне считаться изменой?» И сама себе фыркнула – женщине не идет запутанная логика. И вообще не идет логика – как понравится, так и буду делать!

Мой ухажер моментально воспрял духом: ему только что дали зеленый свет. За вино и салаты расплатился щедро, отвалил официанту чаевых, подал мне руку.

Целовался он горячо, страстно, но как-то сильно влажно. И слишком напористо. Как вечно неуверенный в себе подросток, для которого девочка с соседнего курса только что оголила грудь. Мы сидели в его машине, собирались ехать к нему, но Фил еще даже не повернул ключ зажигания – словно удостоверился в том, что Джулиана Майлз, хозяйка конгломерата «Майли Косметикс», действительно сосалась с ним в салоне. И руки распускал знатно. Лапал то за задницу, то за бюстгальтер. Больше на автомате, нежели действительно желая почувствовать его член в своей ладони, я положила руки Филу на ширинку и сквозь тонкую ткань брюк почувствовала... это.

Это стояло (что приятно), но... походило больше на карандаш (дикое разочарование!). Ладно, скорее на фломастер, может, даже на круглый маркер, но только не на то, на чем хотелось бы попрыгать. Мгновенно протрезвев, я даже сунула руки в мужские трусы и обхватила то, что желала измерить.

Точно. Уместился в ладошку. Скрылся в ней, обнятый моими пальцами.

Фил стонал так, будто ему драчила любимая рок-звезда, я же подумала, что терпеть не могу, делая минет, складывать губы трубочкой.

И потому план «Б», иначе никак.

Хорошо, что в новых мобильниках есть такая кнопка, которая называется «звонок себе». Нажимаешь ее сбоку под громкостью, и телефон начинает разрываться от трелей.

Именно это я и сделала, благо на меня все равно не смотрели, предвкушая, что сейчас я стяну с кого-то штаны и склонюсь головой над этой «тростинкой». Ну уж нет...

– Ой, прости... звонят...

Далее я не колебалась. Я слишком сильно себя любила, чтобы тратить вечер на абсурдный идиотизм, способный впоследствии оставить в памяти только смрадный вкус, и потому я театрально затараторила:

– Что вы говорите? Правда? Конечно, сейчас буду, уже выезжаю...

– Эй, что случилось?

Фила обломали по полной программе. Раз и навсегда.

– Меня соседи... топят...

Ему незачем знать, что в таких элитных домах, как мой, затопить кого-то физически невозможно – тройные перегородки, датчики влажности и прочая лабуда, – но я была готова приплести пожар, наводнение, ураган, что угодно. Объяснять, однако, не стала.

– Прости, мне пора...

Из чужой машины я выскочила помятая, но целая – с застегнутыми пуговицами на блузке и чуть размазанной помадой. Вот и весь «ушерб». В свою Онди садилась с таким удовольствием, будто она была моей спасительницей.

– Домой, крошка. – Погладила руль и ткнула кнопку заведения мотора. – Уж лучше одной, чем так.

В книгах всегда здорово – найдется и красивый, и умный, и обаятельный. Именно такой, какой понравится главной героине.

Жаль, что я не в книге.

В девятом часу вечера, лежа на собственной кровати, я незаметно задремала рядом с раскрытым любовным романом.

(Be Svendsen – Man on the Run)

А проснулась в десятом. Не столько понимая, сколько чувствуя – что-то не так. Сначала поморгала (все хорошо, я в собственной спальне, горит прикроватный торшер), а после подняла голову.

Он стоял в трех шагах от кровати.

Не знаю, каким чувством я мгновенно определила, что это он, вчерашний незнакомец, но знала, что не ошиблась. Та же уверенная поза, тот же разворот плеч, темная куртка, черные джинсы...

– Как вы...

...оказались в моей квартире? И сама же поняла: я забыла запереть дверь. За мной нетрезвой это водилось, да и зачем волноваться, если на первом этаже всегда портье и охранник? Но гостя непостижимым образом они пропустили.

И теперь... Да, теперь я разглядела его лицо. Темные широкие брови, черные глаза, ровный нос, скрытая в щетине линия губ. Щетина эта отросла настолько, что завтра уже могла гордо именоваться бородой. И да, он был «тяжелым». Монолитным, «жестковатым» – скажем так, выбирая из каталога «мне нравится», я предпочла бы кого-то чуть мягче. Гость не столько напугал меня, сколько заставил нервничать.

Я осторожно свесила ноги, села на кровати, плотнее запахнула шелковый халат. Если подняться, сразу окажусь слишком близко.

Значит, тот, кто вчера помог, явился за «зарплатой».

Мужик не пугал – это мне нравилось. Я давно научилась различать опасных ребят, способных на неадекватную жестокость, чуют их за версту, но от этого не пахло тем, кто будет насиловать, если ему откажут. Просто развернется и уйдет.

Теперь любопытно стало, скорее, мне.

Подняться, чтобы изобразить гостеприимство, все же пришлось.

– Чай? Кофе?

«Хорошо, что я не смыла косметику. На мне все еще шикарное белье, и волосы держат укладку».

Гость молчал. Удивительно глубокие глаза. Совершенно незаинтересованные во мне, как в личности, но заинтересованные, судя по взгляду, в том, что у меня под халатом. Похвальная прямота.

Однако, прямо так?! Без «привет», без «выпьем чаю»?

Он давил размером. Метр девяносто без шлема и лат. Кажется, пора раздвигать ноги.

Я впервые за много лет ощутила неуверенность.

– Можно, я хоть душ приму?

Хотя я чистая...

– Раздевайся, – произнесли спокойно. Без агрессии, ровно, по-свойски. Так произнес бы в древние времена воин, вернувшийся домой с битвы – все, я победил врагов, теперь хочу

горячего женского тела и сбросить напряжение. И не надо никаких «люблю». У тебя есть щель, и это все, что мне нужно. Не стоит заботиться о моем удовольствии, я позабочусь о нем сам.

Какое-то время я смотрела на мужика большими глазами. Колебалась между «стесняшей», «возмущенкой» и известной благодаря эротическим подвигам царицей «Клео». Победила последняя. В конце концов, я хотела сегодня член. Я до сих пор взведенная, потому что строила сексуальные планы. Одни рухнули, а другие...

Семь раз? Это первый.

И я потянула за шелковый пояс халата.

Он раздевался так, как раздевался бы у себя в спальне – не быстро, но и без промедления, не позируя, не наблюдая за моей реакцией. Рубаху на стул (шикарный пресс, в меру волосатая грудь), пряжку ремня врозь, джинсы вниз, их тоже на стул. За тем, что окажется под серыми боксерами, я наблюдала с кровати, чувствуя себя, как в мужском стрип-баре (что-тамчтотамчтотам?) – *не может мне за один вечер не повезти дважды.*

Но мне повезло. Очень. Настолько, что тут же затянулся поволокой мой взгляд. Еще висящий чуть вниз, но уже оттопыренный, толстый, такой, для которого, чтобы сделать минет, придется широко открывать рот. Отличная сосиска, отличные шары. И неясно было, чье тело теперь и кого интересует больше.

«Господи, мужик, да к тебе очередь из баб стоять должна...»

Нет, правда, если бы мужчины на рубахе начали вышивать «у меня 12», «у меня 17» или «у меня 25 и толстый», было бы куда проще ориентироваться. Начать, что ли, продавать такие рубахи?

Незнакомец тем временем неторопливо подлег ко мне. Полюбовался сначала лицом, волосами, провел по ним, оценил пальцем линию скул, шеи, подбородка. Мне вдруг начало казаться, что я кукла, купленная им сегодня в магазине. В хорошем смысле. Когда нет ничего лишнего – ни слов, ни взглядов, ни душевного контакта, – только хорошая здоровая похоть. Абсурдно, но это ощущение возбуждало. И да, пип волшебный, на пять с плюсом. Я не удержалась, сжала уже не «на нем», а вокруг него ладонь, поплыла от ощущения того, что моя ручка казалась маленькой.

«То, что нужно, чтобы жить дружно!»

Честно, если бы в каждой квартире был порнокаталог с экземплярами на вечер, этот был бы моим любимым.

Чужая горячая ладонь вдоволь погладила и потискала мою грудь, полюбовалась животом, провела по бедру – хороша, мол, чертовка. Ему нравилось. Его удовольствие от созерцания меня отдавалось еще большим моим возбуждением.

Ладонь втиснулась между ног, приказывая – раздвигай!

Я сделала то, что он хотел.

«Нет женщины более голой, чем та, которая лежит с раздвинутыми ногами».

Честно, я думала, что буду испытывать сильную нервозность, дискомфорт и напряженность, но увидев то, что у гостя между ног, я испытывала только предвкушение.

А через минуту безымянный парень возлег сверху. Уткнулся внушительной головкой во вход, почти не вошел, скорее, четко обозначил свое присутствие. И если до того у меня были сомнения в собственной так быстро готовности без прелюдии, то теперь мне эту самую прелюдию дали. Когда в тебя уткнулся член, но ничего не делает, а его обладатель бесконечно приятно пахнет, ощущается тяжелым и притягательным, ужом уже начинаешь крутиться ты. Моментально увлажняться, ерзать на головке, ждать момента, когда она протиснется глубже.

Он дал мне, наверное, минуту. Самую томительную минуту ожидания в жизни. Не прибежал ни к поцелуям, ни к дополнительным ласкам, просто позволил повернуться на своем члене. Точнее, возле него. А после начал медленно входить во все готовое для него на сто

процентов. Погрузил себя так внушающее и великолепно, что я поняла – места для мыслей у меня не осталось. А уж когда начал двигаться...

Есть такие субъекты, интуитивно угадывающие верный темп. Не очень быстрый, не самый медленный, просто «ебательный». Ощущение удовольствия прорывалось через его ауру – мужик кайфовал. Он сейчас «делал» без лишних обязательств очень притягательную брюнетку, имел возможность провести с ней хоть пять минут, хоть час, хоть всю ночь. Чудесный узкий вход, классные титьки, податливые губы. Когда меня в первый раз поцеловали, брызнула вверх мысль: «Семи раз может быть мало». Наверное, я должна была терпеть и «пережидать», но я балдела, потому что в гости пожаловал настоящий самец, который здорово целовался, был крепок и накачан, а уж то, что в меня запихнули, нужно было фотографировать и ставить на рабочий стол.

Насладившись классикой, меня перевернули на бок, подкатились со спины, вставили скользкий толстый пип и продолжили. И все так естественно, так запросто, будто система выдала нам стопроцентное совпадение.

Дерьмо, думала я, чувствуя, как жарко и налито у меня между ног – я сейчас кончу. Наверное, это будет выглядеть по-дурацки, потому как я в данный момент подвид «проститутки». Хотя зачем мне какие-то термины? У него просто шикарный член и талант им орудовать, от которого я уже, как боинг, шла на взлет. Есть такой момент, когда стирается понимание того, двигается поршень внутрь или наружу. Движение становится единым, замкнутым на круг, а дальше только по нарастающей. И еще эта рука, обнявшая сверху и раздвинувшая складочки, палец, мягко скользящий по клитору.

Я хотела кончить тихо. Совсем, чтобы меня не услышали. А судороги? А что судороги, просто возбуждение, но дергалась я в итоге так, что мне зажали ладонью рот. А после нарастили темп до очень быстрого, и от распертости бетонным членом я мычала.

А после излились внутрь.

Не знаю, сколько я лежала ванильная, глупая и без мыслей. Странно довольная, не желающая прерывать идеальный момент своей жизни.

Но гость вдруг решил, что визит окончен, вынул себя из меня, и стало вдруг удивительно пусто, даже прохладно.

Эй, захотелось сказать ему, мы же только начали. Еще не попробовали и другие позы...

Одевался незнакомец так же молча, как и раздевался. Сел на кровати, поднял с пола носки, принялся натягивать.

А я разгоряченная, разласканная, неготовая, оказывается, к разъединению.

Спросить, мы еще увидимся? Увидимся конечно, впереди шесть раз.

Или о том, когда он придет в следующий раз?

И вообще, от пары фраз развалился бы, что ли?

– Может, скажешь, как тебя зовут?

Тишина. Носки уже на ногах, трусы взлетели вверх, укрыли то, что я так и не сфотографировала. Пришло время джинсов.

– Оставишь номер телефона?

Молчание. Конечно. Я съязвила:

– Номер машины? Адрес? Может, чаю все-таки выпьешь?

Куртку надели последней – разворот со спины в который раз приятно поразил. Нет, ладно пришел без «здрасьте», но уйти без «до свиданья»?

– Не попрощаешься, в следующий раз не пушу!

Мне подмигнули. А в темных глазах полное удовлетворение после хорошей разрядки. И еще уверенность – пустишь!

– Говнюк! – я бросила в уходящего подушкой. Промахнулась.

Хлопнула входная дверь, и мое возмущение улеглось так же быстро, как и взметнулось. В конце концов, он мне ничего не должен, я ему тоже. Впереди шесть встреч, и хотелось бы в следующий раз задержать безымянного парня на подольше.

Писюн однозначно хоро-о-оший... Такой будешь ждать, такой весь изласкаешь. Между ног будто до сих пор приятно растянуто.

Мозг пустой, внутри бегущая строка:

«С. Ним. Было. Хорошо. Пробел. Пробел. Пробел. Но мало».

Доступ к телу, блин. С таким пожалеешь, что он не запросил доступ к душе заодно.

Глава 3

У каждого должен быть человек, с которым можно делиться секретами. У меня таким человеком была Люси. Противоположная мне не только внешне, но и по укладу жизни, она все же являлась той, кому не стыдно доверить тайну. И потому о визите мужчины «Х» узнала первой.

Ее веселый и ироничный характер сегодня, однако, не сыграл мне на руку, и я вот уже битый час выслушивала ее шутки.

– Значит, хорош? А что, если завтра он придет к тебе сюда во время заседания? И начнет, например, сидя под столом, делать тебе кунни. Будешь стонать, сжав зубы? Отказать-то ты не можешь... Вот партнеры станут недоумевать, с чего это у главы компании такая красная рожа в пятнах...

– У меня не рожа, а лицо. К тому же я всегда могу увести гостя в туалет.

– Туалет, по-твоему, романтичней?

– Уж точно романтичней удивленных взглядов членов совета директоров, когда тебе под столом делают кунни.

– Слушай, а когда у тебя день спа?

– В среду.

Я понимала, что она подтрунивает беззлобно, просто у Люси отличная фантазия и чувство юмора, и иногда это термоядерное сочетание способно увести далеко.

– А среда послезавтра?

– И?

Нам давно нужно было работать – мне подписывать бумаги, моей правой руке бегать по этажам, координировать работу отделов и подпинывать главного бухгалтера, который задерживал отчет. Но я продолжала задумчиво кусать губы, вспоминая вчерашний визит, а Люси, глядя на меня, не могла упустить шанс поерничать. Наверное, она таким нехитрым образом размышляла о том, где мечтала бы встретить «секс-принца» сама.

– Представь, если он войдет к тебе в комнату во время массажа? Кто ты, говоришь, его обычно делает? Какой-то низкорослый узкоглазый парень? И вот прямо при этом парне достанет свой гигантский агрегат и вставит тебе в рот. Что будешь делать?

Гигантский агрегат мне помнился отлично и внимание держал отменно.

Я молчала; Люси расплылась.

– Выгонишь массажиста? Или будешь смотреть, как он дронит, глядя на вас?

– Я и не знала, что ты такая пошлая.

– А представь, если твой гость пожалует во время фуршета у Букинса?

Фуршет у Букинса, главы финансового холдинга, куда нас пригласили на следующей неделе для того, чтобы обсудить возможное инвестирование, обещал быть грандиозным. С кучей гостей, бассейном с лампочками на дне, живой музыкой и дорогущими напитками. На такой так просто не попадешь!

– Даже если он проникнет на территорию...

– То сможет проникнуть и в тебя. Где-нибудь в гостевой комнате. А ты при этом, через щель в двери спальни, будешь объяснять хозяину дома, что сейчас выйдешь... Пока тебя имеют сзади.

– Тебе однозначно нравится эта тема.

– А Букинс будет удивляться, почему у тебя такой томный взгляд?

– Я скажу, что молнию на юбке заело...

– И тебе как раз помогают ее вправить. Ее или кое-что другое.

Теперь воображение развернуло эту картину и мне, отчего сделалось совсем жарко.

– Тебе не пора работать?

– Я делаю это по двенадцать часов в сутки.

Она знала, что я знаю. И также знала, что сама выбрала этот график, но мой задумчивый и чуть растерянный вид никак не отпускал Люси прочь.

– Слушай, ты что, боишься, что он опять придет? Тебе же вроде...

Понравилось, верно.

– Скорее, – покручиваясь в кожаном кресле, поделилась я, – я опасаясь, что он больше не придет.

– С чего бы это? И... мне кажется или нет? Но ты бы хотела более тесного знакомства?

– Куда уж теснее?

– Я не в этом смысле. Джул, ты запала.

Увы, я запала. Или однозначно начала это делать.

– Давай поработаем, а?

– Хорошо, но я буду заходить к тебе каждый час и смотреть, не елозит ли кто под твоим столом. Хочется же своими глазами увидеть красавчика.

– Так просто спусти машину в кювет, может, кто мимо и проедет. А там...

– А там мне обязательно попадется какой-нибудь урод. Ты же знаешь мое везение. И вообще, спасибо за совет, дорогой босс. Всегда знала, что ты добра.

Люси, наконец, зашуршала бумагами. Выходя из кабинета, она подмигнула мне, и опять вспомнился черноглазый незнакомец, которого не пронила брошенная вслед подушка.

Точно, похоже, я запала.

Наверное, не стоило уходить в работу целиком и полностью. Совещания, планерки, документы, проверка готовности тест-классов для магазинов. В итоге к складскому помещению на Сайдсор авеню мое такси подъехало не к восьми вечера, а к половине девятого (Онди отправилась на мойку). Я хотела позвонить мистеру Хьюберту из машины, сообщить, что задерживаюсь, но, как назло, обнаружила, что его номера в мобильном нет, потому что я звонила ему со стационарного телефона в собственном кабинете.

Да и что такое полчаса, когда к тебе подъезжает потенциальный клиент, готовый арендовать половину ячеек склада на длительный срок? Это большие деньги – очень большие! – и очень выгодный контракт. Я бы прождала такого и час, и два.

Но, вероятно, мистер Хьюберт так не думал, потому что дверь его офиса оказалась закрытой.

На улице стемнело; внутри складское помещение выглядело как черный распахнутый квадратный зев исполинской рыбы. Очертания застывших фур, рогатые подъемники; гуляет ветер. Неприятно, неуютно, даже страшновато. Облупленные пандусы, валяющиеся вокруг куски арматуры и картонных коробок, железные ступени, ведущие с уличной стороны во внутреннюю часть. Я шагала по ним, чувствуя себя героиней триллера.

«Черт, сложно было подождать полчаса?»

Хотя, может, он всего лишь отправился внутрь собственного лабиринта, чтобы проверить сторожей?

Наверное. Не стоит думать о людях плохо. Ну или не всегда.

По-честному, мне просто здесь не нравилось. Как-то иначе я представляла один из крупнейших складов города – более завершенным, что ли, аккуратным. Цивилизованным. А оказалась практически на окраине, на брошенном заводе с огромными металлическими дверями, пугающих размеров помещениями, грязным бетонным полом и свисающими с потолков цепями.

Внутри царили коробки. Большие, маленькие, крохотные, просто гигантские, плоские, с надписью: «Не наступать!» Безжизненно серела над пустой стойкой надпись: «Прием товара». Я двигалась внутрь с тлеющей внутри надеждой на то, что чертов Хьюберт где-то тут, просто пошел перекинуться словечком с охранником. Но спустя несколько минут почти заблудилась. Кажется, здесь не было в этот час никого, кроме стылого мерзкого воздуха, хрустящей крошки под ногами и тонн картона. И да, я бы просто ушла, если бы откуда-то из глубин склада навстречу мне не вынырнули вдруг два работника...

– Смотри, какая тут цыпа ходит...

Нормальные люди, если они нормальные, просто спросили бы: «Девушка, вам помочь?», «Ищите кого-то?», «Начальник уже отбыл, выход в той стороне, на лестнице осторожно, автобусная остановка за углом». Или что-то в таком роде... Но эти не были нормальными, эти были дешевой рабсилой, которую нанимают на один месяц не за деньги даже – за самогон. Я умела разбираться в людях, умела их чувствовать, и две пары злых похотливых глаз явно дали мне понять, что культурного диалога не выйдет.

– Я к вашему директору! – постаралась я перейти в атаку, чтобы не выдать страха. Только вот платье, каблуки и идеальная красная помада на моих губах сыграли в данном случае мне не на пользу, а во вред. И вместо деловой леди, коей бы меня восприняли нормальные люди при свете дня, эти гнилозубые огрызки в синих комбезах и оранжевых шапках восприняли меня девушкой по вызову. Ну кто еще пришел бы на склады на шпильках?

«Чертов Хьюберт!...» Теперь я точно знала, что найму для него киллера. Ладно, не найму, но сотрудничать уже никогда не буду.

– Конечно, к директору! Давай сначала к нам!

В их глазах горел тот дикий огонек, когда бесполезно увещевать, доказывать или угрожать. Что-то очень неприятное, темное, глухое к мольбам. Наверное, я переживу изнасилование. Когда-нибудь перестану о нем помнить, залью литрами вина, затанцую месяцами вечеринок, затру слезами в подушку, перестану что-либо чувствовать, дотрагиваясь до затянувшихся шрамов, но как же не хочется... И первое дерьмо случилось тогда, когда я, резко развернувшись для побега, вместо того чтобы дать деру, со всего маху впечаталась скулой в металлическую стойку подъемника. До звезд в глазах, до соплей от собственной беспомощности. А сзади хохот. Наверное, я буду бежать, а на мне будут рвать платье, я буду орать, и мой ор будет теряться в этом помещении среди ветров. А после будет «избитый» путь домой, напуганный взгляд таксиста, вопрос: «Девушка, вам помочь?», а на деле желание лишь посадить такую пассажирку.

Все это случилось бы именно так или примерно так, но вдруг откуда-то сбоку выступила тень, прикрыла меня, так и не сумевшую бежать, своим силуэтом, мгновенно ударила ближнего из огрызков. Ударил так, что я услышала этот кулак, вминающийся в чье-то пузо, после хруст костей чужого носа. Вой, шорох одежды, визг «она с хахалем!». Но тому, кто орал, убежать не дали.

И я уже знала, кто именно пинал упавшего на землю грузчика. И кто выступил из-за моей спины.

Он был все в той же темной куртке, все так же небрит и силен, он был зол и чертовски опасен. Так бьют, когда давно и долго обучались, когда отвыкли терять контроль, когда ударить – плевать, как в туалет сходить, как в магазине расплатиться или сплюнуть на тротуар.

Огрызки теперь лежали на земле, у них были кровавые рожи и, кажется, меньше зубов.

А когда ко мне шагнул безымянный спаситель, я повисла на нем совсем как девчонка. И совершенно не как бизнес-леди разрыдалась, потому что нет, меня не изнасиловали, но напугали, заставили ощутить слабость. И еще потому, что болела ударенная о кран скула.

(Manuel Riva feat. Florena – Confusion)

Мы ехали куда-то на его машине. Том самом черном brutальном джипе. Молчало радио, молчал водитель, молчала я. Звезды на небе; растерянность внутри. Если сейчас меня разложат на заднем сиденье, я перетерплю и это, я обещала «позволять». Буду думать о чем-нибудь стороннем, когда-нибудь забудется и это. Быть может, он будет нежным, быть может, нет; а внутри меня печаль – до нее никому нет дела. Я сильная, я все переживу, я когда-то подняла себя из грязи, я смогу еще раз.

Но черт, до чего же хочется тепла.

Джип все ехал. Сначала покинул окраину, возвращался в центр города, вскоре поплыли мимо освещенные проспекты. *«Куда мы едем? К нему? Наверяд ли...»*

А через пару минут стало ясно, что мы едем ко мне.

«Запомнил адрес». Мне было бы приятно, будь я в другом настроении.

У меня, наверное, не убрана кровать, думалось апатично. И пустой холодильник. Хотя какая разница, гость приходит не за этим...

Пару раз я бросала взгляд на его профиль – спокойный, почти равнодушный.

А в плывущем наверх лифте разглядела его глаза – глубокие, бездонные, как колодец. Поняла, что почти готова, почти собралась с духом, вернула себе себя, готова раздвинуть ноги. Только бы нежно.

Но меня довели только до двери. И обронили коротко:

– Не ходи больше по складам ночью.

Это был удивительный момент смешанных чувств. Я уже знала, что человек в куртке сейчас уйдет. Он не войдет, не воспользуется возможностью, он оставит меня залечивать гордость в одиночестве. Дважды спаситель. А я уже не хотела, чтобы он уходил – посидел бы со мной на кухне, посмотрел бы с участием, с теплотой. Несложно ведь...

– Уходишь?

Тишина. Уходя, он никогда не оборачивался. Странно, наверное, желать цепляться, когда сам себе только что говорил «не хочу», но внутри клокотала беспомощность и злость. И опять хотелось кинуть вслед подушкой.

Чертов рыцарь!

Входной дверью я хлопнула со всей силы, зная, что первым делом двинусь к бару и открою вино. А после найду-таки телефон Хьюберта и солью на него все накопившиеся во мне помои.

Глава 4

(Due Lipa – Fever)

Наверное, все дело было в члене.

Когда такой достойный размер, не хочется думать ни о чем другом. Разве плохо, когда в тебе просыпается мартовская кошка, широко открывает глаза и принимается от удовольствия точить коготки на мягком покрывале? А может, дело было в бездонных глазах? Или в благородстве, с которым меня вчера отбили у отморожков? Или в равнодушии, а также похоти, с которой меня ласково в прошлый раз брали? Сложно сказать, но этот парень мне нравился. Действительно нравился, как нравится вдруг симпатичный хулиган из соседнего подъезда тихонько-отличнице. В общем, балдело не только тело, но и душа, и потому с самого утра я торчала не на работе, а в примерочной «Гланса» – огромного и дорогого магазина одежды.

«Приду на часик позже, Люси подменит».

Одежды у меня хватало, и на этот раз я, стоя в самом сексуальном белье, которое сумела отыскать на полках, выбирала шелковые сексуальные пеньюары. Нежно-зеленый или лиловый? Зеленый или лиловый? Хотелось, черт возьми, сразить этого парня хоть чем-нибудь. Покорить, отыскать в нем брешь, завоевать и растопить. Раз уж этот гад растопил меня, *начав снизу...*

– Эй, мужчина, вы куда?!

Возмущенный крик продавщицы раздался одновременно с шорохом колец по металлической трубе – штора в мою примерочную быстро отъехала, а после закрылась, впустив в себя... Бог ты мой...

Кого? Конечно, кого же еще. Свежего, добротного, большого и пахнущего туалетной водой.

– Ты?!

– Эй! Мужчина! – чувствовалось, что продавщица сейчас отправится к охране торгового зала, и начнутся неприятности.

– Это ко мне! – выпалила я на автомате. – Все в порядке, это муж!

Девушка снаружи притихла, сумела даже не выказать недовольства. Чуть погодя удалится прочь от кабинки и стук ее каблучков.

– Совесть у тебя есть? – прошипела я, возмущенная не меньше ассистентки. – Прямо здесь?

Но мне в рот нагло и беспардонно скользнул палец. Заткнул и тут же подчинил. Очень ласково, очень авторитетно. Если бы кто-то другой попробовал проделать этот трюк со мной, я бы прокусила фалангу, но в жесте мужчины «X» вдруг действие оказалось пропитано сексуальностью, как пьяная вишня алкоголем. Палец нырнул ненадолго, позволил себя облизнуть и вынырнул. А после меня поцеловали. И ощутилась вдруг вся мощь и тяжесть мужского тела, хотя это самое тело еще ко мне не прижалось. Как жарко, однако, может за одну секунду стать в кабинке.

«Гланс» мог себе это позволить. Закрыть глаза на такие вот уединения в своих кабинках, потому как вещи, которые эти пары после приобретали, стоили, как половина путевки на острова. Удовольствия, правда, дарили столько же. И все же это был неожиданный визит, беспардонный.

– Ты... наглый... – попыталась я одарить вчерашнего спасителя комплиментами, но меня перебили.

– Я кое-что не успел вчера.

Ах да! Благородство пересилило.

– Решил наверстать с утра?

А дальше одновременно еще два действия – легшая мне на макушку ладонь и звук расстегиваемой ширинки. И еще взгляд, мол, давай не будем болтать. После ладонь мягко надавила мне на макушку, предлагая опуститься вниз.

Я сделала это. Потому что обещала и потому что хотела сама.

Когда у твоего рта такой орган, это все равно, что десерт для души. И неважно, что примерочная – шторка закрыта, ковер на полу мягкий. Прежде чем принять в рот головку, я успела посмотреть в зеркало слева. Секси, между прочим. Стоящая на коленях девушка в сексуальном белье, напротив мужчины с расстегнутой ширинкой, откуда вываливается такое достоинство, что меня поняла бы даже продавщица.

О нет, это был не его момент, это был мой момент. Сосать и обласкивать толстый красивый член, все равно, что купить самую дорогую брендовую вещь или выкатить из салона новый Ферро. Я наслаждалась по полной. И мне было все равно, если наш второй «доступ» от начала и до конца пройдет в ротовом стиле, я была бы счастлива почувствовать финальную пульсацию своими губами. Но мой «принц» решил иначе. Насладившись жаром моего рта, меня подняли с колен, развернули, приготовились к классике сзади.

Когда ты возбужден и возмущен – это особое сочетание.

– Ты снова сделаешь это и уйдешь? – спросила я тихо, но едко. – А я, между прочим, для тебя красоту выбирала, думала, сразу тебя наповал, может, имя скажешь...

Мой новый бюстгальтер тем временем расстегнулся сзади. Потискали грудь нагло и с вождением. Выдохнули в шею, после помогли другу протиснуться между моих ног – друг, точнее «дружище», уперся во влажный уже вход, ткнулся туда, как радостный гость, уверенный, что его давно ждали и даже скучали. После неуловимое движение, и друг погрузился в меня наполовину, расперев так, что не застонать не вышло. Рот мне зажали одновременно с началом «боевых действий». Внутрь-наружу, внутрь-наружу, не быстро, качественно, хорошо. Забылось совершенно, что мы в примерочной, что вокруг магазин, ходят люди... Одна рука держала мой рот плотно зажатым, вторая обласкивала грудь – то одну, то вторую...

На «этом» можно было кататься до бесконечности.

«Он слишком хорош, чтобы так просто отпустить... Я должна... придумать...»

Но придумывать, когда тебя так прекрасно и ненасытно «катают», сложно. Практически невозможно. Мою шею целовали, покусывали, мной снова наслаждались и баловались, как самой любимой живой куклой, подходящей на сто процентов. Я знала, что возненавижу этого мужика, как только он закончит и уйдет. С каждым разом пустота внутри все ощутимее, но именно сейчас, именно пока так жарко, когда он внутри, когда обнаженного тела касаются джинсы, жесткие полы куртки с замком, когда тебя дрючит самый настоящий самец, думать не выходит совсем.

Он невыносимо велик, он тверд настолько, что ты влюблен в эту палку, в этот запах и ритм, ты готов расслабляться и хлюпать, готов думать исключительно нервными окончаниями. Слишком с ним хорошо, нереально, невероятно. И еще теперь, когда его вторая наглая рука переползла с моей груди на клитор.

И нет, я не успела кончить, не в этот раз – незнакомец разрядился первым. Шумно выдохнул мне в шею, вздрогнул, зажал рот так, что не пикнуть. А спустя мгновение потекла по ногам его сперма...

– Чудно, – выдохнула я тихо, как только ладонь отпустила, – выбирала-выбирала новое белье, теперь стирать. Надеюсь, оно тебя порадовало.

Сейчас меня оставят здесь наедине, думать о том, когда же следующая встреча.

– Если ты сейчас просто свалишь, то...

Он вышел из меня – выскользнул, как большой разбухший червь, – развернул спиной в стене. Наконец-то глаза в глаза, наконец-то дерзкие губы близко. Интересно, хоть поцелует на

прощание? Я так негодовала, что даже не могла понять, нужно было просить пятнадцать раз вместо семи или же вовсе отказать?

– То что? – голос хриплый, низкий. Нет, мне однозначно не хватило. Если он сейчас уйдет, я закусаю Люси, и также всех, кто будет входить ко мне в кабинет. И скорее всего, вообще запрешь изнутри на замок.

– То в следующий раз, когда ты придешь, я буду просто «телом», понял? Ни единой реакции. Буду смотреть телевизор или говорить по телефону...

– Думаешь, получится?

Он будто никуда не торопился. Ему нравилось мое лицо, я видела – мои губы, мой возмущенный взгляд и румянец. А также расстегнутый бюстгальтер, переставший вмещать сочную грудь.

– Все сделаю, чтобы получилось.

– Вредная.

– Это я? Это ты приходишь ко мне, как «к телу»!

А разве он не об этом просил. Кто ж виноват, что мне захотелось больше?

Краешек моих губ поцеловали, затем еще раз, лизнули самый уголок губ. Когда языком чуть внутрь, совсем чуть-чуть... До умопомрачения.

– Ты права, – выдохнули чуть слышно.

– В том, что ты хам? Что даже не представился?

К кабинке приближались каблук ассистентки. Сейчас она спросит о том, нужен ли мне «другой размер»? Не нужен, девушка, этот подошел.

– В том, что мне не хватило, – пояснил Х. – Давай продолжим. Жду тебя в машине у выхода.

Он выскользнул из кабинки, предварительно упаковав себя обратно в ширинку. Я же стояла и хлопала глазами. Мне покупать все эти вещи или нет? По моим ногам течет... Ладно, за белье просто расплачусь, остальное оставлю. Дам «чаевые» продавщице, чтобы остаться любимым клиентом, и... Не верилось – сейчас мы продолжим. Неважно где, главное, чтобы долго. И на этот раз я точно опробую, если позволит пространство, все позиции.

К кассе я подходила, одетая в тонкое платье-плащ поверх белья.

– Мне, пожалуйста...

Продолжить не успела.

Кассир улыбалась.

– Ваш кавалер все оплатил, – удивила меня ележно. – Все до единой вещи, которые вы мерили. Подождите минуту, сейчас вам их упакуют.

Все до единой? Я могла... и сама. Но, черт возьми, приятно. Незаметный жест, мимолетный, говорящий о человеке очень много.

Протянувшая мне фирменный пакет ассистентка выглядела так, будто ей оставили годовой запас купюр на чай.

– Приходите к нам еще.

«Одна. Или вдвоем», – блестяли ее глаза.

Вдвоем. Ага. Сразу, как только пойму, как из «одной» сделаться «вдвоем».

(Aeralie Brighton – Unbroken)

Мы неслись куда-то в черном квадратном джипе. Уверенные мужские руки на руле... а мне помнился палец, скользнувший мне в рот. Оказывается, на большом пальце левой руки

серебряное колечко – стильное украшение для мужчины. Короткая щетина-борода совсем не портила водителя, лишь добавляла ему первобытной брутальности, придавала внешности ауру «смотри и слушай меня, слушай внимательно».

И я вдруг поймала себя на мысли, что вновь ощущаю себя маленькой. Я не испытывала этого чувства давно, с тех самых пор, как три года назад Рич выгнал меня из собственной квартиры, оставив в кармане мятую купюру в двадцать пять долларов. Я плакала полночи, мерзла, не знала, куда податься. Тогда я досконально изучила, что такое беспомощность. Подняла себя с самого низа, пообещала, что никогда не вернусь к «маленьковости», стала уверенной в себе, богатой женщиной, управляющей штурвалом собственной жизни. Беспомощность была забыта.

Сегодня она вернулась. Моя «маленьковость». Но какая-то другая, растерянная и теплая, потому как рядом сидел тот, за кем хотелось идти следом. Доверить ему себя, свою ладошку и сердце.

Бред.

«Просто мужик. Мы просто едем трахаться».

К чему лишние чувства?

Будто чувствуя мой раздрай и смятение, водитель вдруг положил мне на колено руку. Положил не пошло, но одобряюще. Мол, все будет хорошо. И ладонь эта грела, как батарея, проникая теплом до самого сердца.

А дальше было то, о чем мечталось.

Мужская просторная квартира, в которой, ввиду предпочтения хозяина, почти отсутствовала мебель. Большие комнаты и минимум убранства. То ли мой незнакомец здесь почти не бывал, то ли предпочитал аскетизм захламленности. Одно я уловила наверняка с первой секунды, как переступила порог – женщины здесь никогда не было. Женщина бы добавила этому помещению десяток комодов, три пары зеркал, красивые люстры, светильники, ковры и еще бог знает что...

Впервые на моей памяти «друг» не торопился. Ответил на чей-то звонок «у меня выходной» (чем до соплей меня обрадовал), отключил сотовый, положил его поверх снятой куртки.

А после я, наконец, разглядела его совершенно голого, красивого, большого, отлично сложенного. Раздели меня не спеша, на кровать уложили уверенно и принялись обласкивать. Поцелуями, касаниями, членом, дыханием, объятиями. Меня распластывали в классической позе «мужчина сверху», а я лишь понимала, что это влечение – процесс, похоже, бесконечный. Наверное, химия, запахи, случайное совпадение, но «Х», как блюдо, которым невозможно насытиться. Я просто позволяла ему все – трахать меня, входить, ласкать, брать, делать что угодно. Хотя впервые слово «трахать» сюда не подходило – он больше не торопился. Ласкал исступленно, входил до упора, выдыхал от удовольствия так, что я влюблялась все сильнее. Он был горячим, тяжелым, правильным, он был до умопомрачения сексуальным, его невозможно было не хотеть. Я почти не удивилась, когда, кончив под ним, поняла, что хочу еще, хочу дальше. Хочу, хочу, хочу... Уложила мистера «Х» на спину, забралась сверху и впервые до упора ощутила значение слов «сесть на кол». О, что это был за «кол» – горячий, толстый, растягивающий до невозможности. Мою грудь сжимали, тискали, ласкали пальцами и губами соски, а я все меньше хотела отсюда уходить. Все было правильным – дыхание, выбранный им парфюм, умеренная волосатость, большие ладони, жилистые руки, литые мышцы. Его дерзость, уверенная наглость, его доминирование, даже когда я сидела сверху. Только нельзя заканчивать – ни мне, ни ему... Вдруг на этом все?

В какой-то момент я приблизила свое лицо к его, почти касаясь губ призналась:

– Хочу тебя всего... Всеми способами...

Меня почти сразу мягко перевернули, уложили на живот, навалились сверху, прошептали в ухо:

– Хочешь максимум ощущений?

– Хочу.

Он заставил меня свести ноги. Зажал мои запястья своими, сковал, вошел сзади так, что я прочувствовала его не только растянутым лоном, но и кожей бедер, ягодицами, всем своим существом. Так входят в покоренных женщин воины, желающие оставить после себя в плененных деревнях след. Без спросу, без возможности отказаться, утверждая, клеймя, выставляя сверху свой флаг. Беспомощность, покоренность, невозможность шелохнуться настолько остро пронзили меня, добавили плюс сто к удовольствию, что я, ради затеянной им игры, попыталась вырваться. Не тут-то было. «Х» придавил мою шею к кровати локтем. А дальше, в каждом совершаемом им толчке, слышалось: «Кто здесь хозяин?» Никогда еще я не чувствовала себя игрушкой без возможности двинуться в сторону. Меня припечатывали, более ни о чем не спрашивая, и я вдруг почувствовала, что впервые отдалась мужчине «совсем». Где-то внутри. «Ты победил, победил, победил!» А бедра уже пульсировали от спазмов и конвульсий, рвались стоны; кончал мой «друг» с рыком. Его пальцы на моей шее сжались, как ошейник. Последние толчки он делал в меня максимально податливую, находящуюся уже в смежной галактике.

И только спустя минуту полностью навалился сверху, обмяк – невозможно тяжелый, прекрасный, сделавший то, что желал.

«Х» впервые позволял лежать на своей груди. Не прогонял, не торопился сам, наслаждался, будто напоследок. Откуда такое чувство, неизвестно. Обнимал за плечо, смотрел вперед, полуприкрыв глаза; а я думала о том, что на самом деле в нем нет агрессии. Избыток мужественности – да. Но ни грамма дурного садизма, равнодушного эгоизма или чего-то подобного, способного оттолкнуть. «Х» брутален и силен, как полагается настоящему мужчине, он давно повзрослел, научился решать за себя и других. Он закрыт, совсем чуть-чуть циничен, даже, скорее, дерзок – так случается от избытка уверенности. И еще я никогда не могла разобрать его взгляд – чуть насмешливый, равнодушный и одновременно серьезный, будто внутри множество слоев души и их отражений.

(Zivert – Life)

Я более не желала уходить. Ни за что. И не понимала, как, желая изо всех сил здесь остаться, сказать об этом, не потеряв гордости. Никак, наверное, придется выбирать. Мне уже давно все равно, что думают другие, но этот... Царапалась осколком битого стекла мысль о том, что «Х» считает меня легкодоступной и продажной.

Я приподнялась на локте. Спросила прямо, как привыкла:

– Думаешь, я проститутка? Продалась за спасенную Онди?

Он смотрел все так же. Разве что во взгляд закралась насмешка и удивление. Я не верила, что он ответит, но это случилось.

– Думаю, мне повезло получить шикарную женщину без ухаживаний.

И вдруг стянулась пустота. Будто ее зализали языком.

«Шикарную женщину...» Значит, все-таки счел меня красивой. Глупая мысль, ведь ясно, что счел, если попросил доступ к телу, но ведь так важно услышать.

Однако раздражение во мне все же промелькнуло.

– Я не стою ухаживаний?

Он гладил меня по волосам. Непривычно мягко, ласково, и опять мелькнуло чувство, что напоследок.

– Стоишь. Но у меня бы не хватило терпения. Я трахнул бы тебя в первый же вечер, если бы увидел при других обстоятельствах.

– Да ты просто... невыносим.

Хотела стукнуть его по мощной груди, но меня вдруг притянули, поцеловали жарко и нежно, после снова погладили по щеке.

– Вполне выносим, как ты поняла. Но из меня плохой ухажер, когда я вижу такие формы.

Тепло. Тепло. Прямо горячо. И мысль: «Мы использовали все два раза или четыре?» Четыре «доступа», если судить по его оргазмам, и два, если думать, что после примерочной мы не прерывались (поездка на машине не в счет). Все-таки, сколько встреч осталось?

– Ты... живешь здесь?

«Х» почему-то захлопнулся – я ощутила это. То ли не желал о личном, то ли пришла пора расставаться.

«Нет. Не сейчас».

Но не спрашивать же о том, когда мы увидимся снова, я выдам себя и свои «лишние» чувства с потрохами. И не спросить нельзя.

– Осталось еще... три раза, да?

Не удержалась. Спросила все-таки.

– Увы, моя хорошая, – донеслось негромко, – оставшихся раз не будет. Я сегодня уезжаю.

С меня будто сдернули покрывало, хотя его на мне не было. Стало холодно, очень зябко.

«Но ты же вернешься?»

– К-куда?

– Далеко. Прочь от цивилизации.

Я молчала так долго, что внутри стало еще холоднее.

– Но ты же просил о семи «доступах»?

Его улыбка просочилась сквозь полумрак спальни.

– Я пожадничал. Не мог меньше, хотя хотел еще больше.

Дали глоток горячего чая в арктическую стужу. Уже не отогрел.

Если начну расспросы, выдам себя, а не спрашивать уже не могу. Не хочу, чтобы он уезжал, не хочу... Я чувствовала себя девчонкой, которой только что подарили прекрасный кукольный набор, но открыть не позволили. Ответили: увы, упаковка должна остаться целой. Ты только посмотри, запомни, а наслаждаться по-настоящему будет уже кто-то другой.

– Телефон оставишь? – мой вопрос прозвучал тускло и как-то цинично.

– Там нет связи. Северный лес. Я смотрю за территорией и заодно тренирую ребят из охранных предприятий выносливости. Ухожу на три недели.

– Лесовик, значит.

Я не пыталась его обидеть, просто, когда ты расстроен, сарказм становится щитом от уязвимости.

Конечно. Потому «Х» и силен, накачан, брутalen. Тренер, значит. Бегаёт марафоны, стреляет, обучает рукопашному бою. Что там еще?

– Когда едешь?

– Через час.

«Награхал так много, как мог».

Но ты же вернешься? Почему он не думает о встрече после возвращения? Три недели – это долго, но я чувствовала, что буду ждать. Противно, однако, когда тебя в дальнейшие планы уже не включают.

«Х» изменился. Стал другим. Он был уже не здесь, приготовился одеваться, думать о том, что случится через час-два, вечером. Совсем скоро руки на руле будут лежать, но пассажирское кресло будет пустовать. Дальше другие приключения, другая жизнь – моя отойдет в сторону.

– Как тебя зовут?

– Гранд.

Еще вчера меня порадовал бы факт ответа, а сегодня расстроил. Красивое имя, подходит ему.

«А я Джулиана», – наверное, надо было сказать, но я промолчала, меня никто не спрашивал. Да и вообще, уходить надо первой, не ждать, когда укажут на дверь. То, с какой горечью я отрывалась от вожделенного тела, не передать, и я надеялась, что чувства не проступили на моем лице.

Движения чуть резче, чем требовалось, но мне хотелось поскорее уйти. Я отвыкла себя навязывать, хотя в данном случае очень хотелось. Мне не составило бы труда держать «мину» при любом другом мужчине, но при Гранде моя «маленьковость» разломала защиту. Платье-плащ я застегнула трясущимися пальцами, пояс затянула туго.

– Уходишь?

Как будто не ты только что сказал, что уезжаешь через час.

– Да, мне пора.

Думала, он даже не встанет, почему-то была уверена в этом. Просто позволит выйти, хлопнуть дверью, лишь поморщится на кровати.

Но меня поймали у выхода за руку. Довольно жестко, развернули к себе, прижали к стене; и дохнуло вдруг той самой мужественностью, которую я ощущала полчаса назад.

– Я не пытался тебя обидеть.

Конечно, нет.

А темные глаза стальные, такие, как после склада. На губах привычная полуулыбка; сводящий с ума запах кожи, смешанный с туалетной водой, литые мышцы рук, грудь, как латы легионера. А внизу такой член, что еще пара касаний, и я позволю его в себя вставить, забуду обо всем. И случится тогда без перерыва наш пятый, шестой и седьмой раз. Одного поцелуя хватит.

Нет, не дамся.

– И поэтому ты решил не звонить мне после возвращения?

– Такая красавица, – шепнули мне тихо, но жарко, – за три недели найдет себе кого-нибудь еще.

– Да за кого ты меня считаешь?

– За привлекательную женщину.

– За дуру!

Он не выпускал мои запястья долго. Ничего не говорил, но и хватку не разжимал. Я чувствовала, что еще минута, и я начну плакать, а я очень давно этого не делала. Не перед мужчиной. Тогда я стану тряпкой, размазней, тогда я уже точно начну за него цепляться, попрошу взять меня с собой, но услышу отказ, повторенный несколько раз кряду...

– Хорошей дороги, лесовик.

Я все-таки вырвалась. По лестнице в подъезде сбежала быстро, вспомнила о том, что пакет с новым бельем остался закрыт в машине, горько усмехнулась – он мне не понадобится.

Но все-таки я сфотографировала номер джипа.

Тот, который был сверху, и дублирующий, скрытый под ним. Такие ставят себе либо очень богатые люди, не желающие быть узанными, либо бандиты, либо узкоспециализированные парни.

Черт его знает, кем именно являлся мой новый знакомый.

«Старый знакомый», – поправила я себя, желая поскорее удалиться с этой улицы, чтобы заказать такси на соседней.

Не просто старый, а уже бывший.

Хотелось орать.

Глава 5

(Holly Humberstone – Drop Dead)

– Лесовик, значит, говоришь...

Люси сосредоточенно рылась в недрах интернета после того, как заставила меня пере- сказать о произошедшем четыре раза кряду. А я любила ее за умение «не лезть». Нет, прие- хала она сразу, деловито разобралась в ситуации и надолго замолчала, сосредоточив взгляд на экране. Хорошо, когда к тебе не лезут со словами утешения, ободрения и ложной надежды, мол, все обязательно будет хорошо. Люси не коврик, Люси по замашкам, скорее, следователь. Она не будет учить тебя жизни, упрекать «ты слишком много пьешь» или советовать не лить слезы, но всегда попытается помочь делом.

Сейчас она стучала по клавишам и хмурилась.

Я же держала в пальцах стакан с алкоголем и ждала, когда вино сдвинет меня, наконец, или в беспросветную печаль, или в облегчение. Но настроение стабильно держалось на апа- тичной грусти. Сотни тысяч пар в мире сходятся и расстаются – фигня ведь? Кто-то страдает долго, кто-то не очень, кто-то помнит всю жизнь, кто-то забывает на следующий день.

Гранд оставил после себя пустоту. Печальную такую, желающую заполнить себя им же.

– Не раскисай, – донеслось от кресла.

– Я не раскисаю.

Стараюсь.

– Кто знает, какие у этого мужика баги в голове...

– Точно.

Люсин программный сленг прижился еще с тех пор, как мы, познакомившись на курсе «Сделай себя сам», решили вдруг создать собственный веб-сайт, позже развернувшийся в пол- ноценный магазин. Кодить его начинала сама Люсинда Крэйн – вышло топорно, но сносно. Годом позже к нам присоединилась профессиональная команда программистов.

Давно мы с ней вместе, оказывается. Я умела терпеть ее ворчание и прямоту, она умела поднимать мое настроение, когда последнее превращалось в лужу.

– Лесовик... А ничего так, Лесовик... – бубнили себе под нос от компьютерного стола.

Снисходительность к собственному бессилию – не моё. Моё – брать все в свои руки, анализировать, делать, занимать себя полезными или приятными вещами. Но Гранд вышиб меня из колеи, и последние сделались недоступными.

– А знаешь, темная лошадка, этот твой Гранд...

Он не мой.

– ...я кое-что на него все-таки отыскала, правда лазить пришлось по закрытым базам.

Сказать тебе его полное имя?

– Скажи.

– Гранд Эрдесон.

Хорошее имя, звучное.

– Оно тебе ни о чем не говорит? – не унималась Люси.

– Нет.

– Это потому что ты почти не читаешь газеты и не смотришь телевизор.

– И не собираюсь начинать.

– А зря. Потому что примерно полгода назад твой Гранд был упомянут в одной ста- тейке... Посмотри, это же его фото? – На меня услужливо повернули монитор.

Фото было его. Те же темные глаза, жесткие, но красивые черты лица – и накрыло вдруг чем-то тяжелым. Несколько часов назад этот парень лежал на мне, целовал, прижимал к себе так, что внутри проснулась надежда на нечто большее.

– Да. – Я осушила бокал, потянувшись за бутылкой. – Что в этой статейке?

– Нечто очень занятное. – Странно, но в моменты такой вот деловитости Люси казалась мне по-своему красивой. Сосредоточенной, уникальной в своей непривлекательности, цельной. – Он упомянут, как один из инвесторов «Кари Трейд Корп».

– Это всего лишь значит, что у него есть деньги.

– Значит.

– Понятно было уже по его машине.

– Может быть. Но навряд ли ты знала, что он владелец «Гранд Траста».

– Что это?

Люси смотрела на меня круглыми удивленными глазами. Не теми, когда «ну ты даешь!», а теми, когда «этого я не ожидала сама...».

– Это ко-инвестор Букинса, к которому мы идем на вечеринку на следующей неделе. Невидимая прессе, но, похоже, очень значимая личность.

Мне от этих данных не легче. Когда у человека много денег, в его голове происходит некое психическое помешательство, так я считала. Чрезмерные финансы толкают человека думать о всемогуществе, а последнее начинает принижать достоинства других. Как по мне, лучше бы Гранд был обычным... охранником... Не знаю... С простыми людьми проще.

– Отсюда и сменные номера. Такие, как он, не светятся, иначе на них слетается пресса, бомонд и все остальные.

– Он всегда может сбежать в лес.

– Кстати, о лесе... Ты знаешь, что Северный Лес – это аномально холодная в любое время года территория?

– Нет, я там не была.

– И не удивишься, наверное, если я тебе скажу, кто владеет пятьюдесятью его гектарами?

– Нет...

– Да.

– Хочешь... сказать...

– Тренировочная база – его же собственное детище. Хобби. Потому как охранное предприятие – это дочерний бизнес Гранда. Прикольный мужик.

Последнее Люси хмыкнула без попытки меня расстроить, я же поняла, что початую бутылку этим вечером я прикончу.

– Красивый, статный, богатый... Повезло тебе.

Еще неуловимый, незаинтересованный во мне, занятый лишь своей жизнью. Повезло, конечно.

– Дать тебе нож подлиннее, чтобы ты провернула в моей груди лезвие?

– Эй, ну прости. Занятный... тип. Я только это хотела сказать.

Занятный или нет, мне придется выбросить его из головы. Никто не играл Джулианой, и никто не будет. Если уж ему не до меня, то и мне станет не до него. Одно только висело между нами – оплаченный им в «Глансе» счет. Другая бы плюнула, забыла или даже порадовалась, но я подачек не любила. Если я не твоя женщина, платить за меня не нужно. Внутри меня Джул упрямо сжимала зубы.

– Люси, можешь найти номер его банковской карты или личный счет?

– Это еще зачем?

Мой взгляд заставил подругу молча развернуться к монитору. А спустя какое-то время произнести.

– Наверяд ли... Можно отыскать корпоративный для внешних переводов, но личный... Тут понадобится помощь кого-то посерьезней, чем я. И все-таки?

«Зачем?»

– Хочу вернуть ему деньги за белье.

– Которое он же увез?

– Это неважно.

– Жу, ты ведь не собираешься использовать это как предлог, чтобы окончательно потерять гордость и повиснуть у него на шее?

Только эта сивая и конопатая леди имела право изредка звать меня «Жу». Повиснуть на шее Гранда очень хотелось, конечно.

– Не собираюсь.

Меня сверлили серьезным взглядом. Но мы не для того прошли огонь и воду, чтобы я заставляла Люси вновь собирать себя из грязи, куда я паду, если лишусь гордости.

– Тогда могу попросить наших ребят этим заняться. Ну или позвони Информаторам.

Информаторы – тема. Дорого, но быстро.

И слишком просто. Как-то дешево и даже не сердито, если Гранд вдруг прочитает сообщение при зачислении средств на счет: «От Джулианы за белье». На подобное даже я бы фыркнула.

– Знаешь, – вдруг взглянула я на подругу сосредоточенно, – отыщи мне лучше адрес этой тренировочной базы. Координаты для спутника, что угодно. И путь, каким туда можно добраться.

– Я знала, что этим все закончится, – на меня смотрели угрюмо.

– Я не повисну у него на шее.

Долгая пауза – такой проверяют на вшивость. После вздох, означающий: «Прежняя Жу повисла бы, но ты уже другая, ты не повиснешь».

– Ладно, – сдалась Люси, – с тебя двойные премиальные, если ты опять свалишь на меня все обязанности.

Она упрямо не желала становиться компаньоном, хоть я не единожды предлагала.

– Хоть тройные.

– Да не в деньгах счастье, ты же знаешь...

Иногда в них горе. А иногда они становятся поводом отправиться в глушь, в которой всегда холодно.

– А какая температура в Северном лесу?

– Пей уже. Не мешай. Я все для тебя найду.

Наверное, я усну одетая и на диване, а она все будет сидеть здесь, стучать по клавишам, качая головой. Где-то в глубине души Люси знает, что есть вещи, которые стоят того, чтобы действовать иррационально. Возможно, сейчас именно тот случай.

Северный Лес

Гранд

(Madalen Duke – Love into a Weapon)

Под ногами хлюпало.

Температура поднялась почти до нуля, снег сделался липким, лежал теперь сырыми комьями – бегать марафоны по такому неудобно. Тем лучше.

Избушка промерзла до самого фундамента; Гранд первым делом растопил печку. Дров хватало; за новыми он сходит завтра. Полыхал маленький зев, лениво пожирал сухие поленья, нет-нет, чадил дымком наружу, но дверцу прикрывать не хотелось – о жар отлично согревались руки.

И некстати подумалось о том, что остаток этого дня он мог бы провести в теплой постели. Позволить себе расслабиться, обнять податливое женское тело, просто поговорить, просто выпить кофе. Но это необратимо вело бы к чему-то более глубокому, к чувствам.

А к ним Гранд пока не был готов.

Прошло полгода, но ему все еще помнилась Сара. Не она сама, а та картина, которую он увидел, вернувшись из Леса на сутки раньше – его любимая женщина в жарких объятьях фитнес-тренера. Молодого смазливового парня. Моложе Гранда, симпатичнее, без бороды...

Удивительно, но он ничего тогда не почувствовал. Совсем. Пустоту, некое не поддающееся определению онемение одной из сердечных мышц – попросил на выход обоих; титаническим усилием воли сумел не свернуть любовнику шею, а ведь уже готов был преподнести избраннице кольцо...

Наверное, красивые женщины просто не умеют быть одинокими. Даже если это всего на пару недель. Сара знала о том, что часть времени Гранд проводит на отдаленной базе, знала и была согласна с таким раскладом. Всегда провожала его поцелуем, говорила, что будет скучать, бросалась ему на шею по приезде, отдавала себя всю – так ему казалось. И тем противнее было осознать в себе идиота, неспособного отличить настоящие чувства от игры. Наверное, они отлично это умели, женщины – играть. И он обиделся не на одну из них – красивую, с которой прожил почти год, – а на самого себя за неспособность ощущать ложь. Не понял, как мог так просчитаться, как не учуял подвоха издали, почему оказался в конечном итоге рогатым бараном.

Внутри так и не отмерло. Нет, почти... Когда Джулиана спросила, позвонит ли он через три недели, когда обиделась так натурально, что та самая онемевшая мышца вдруг дернулась. У этой девчонки вообще имелись уникальные качества, за пару дней пробудившие в нем два желания – быть рядом и заваливать ее в постель. Все из-за ее выражения лица – проглядывалась в нем какая-то наивная беспомощность. Бизнес-леди, да. Деловитая, собранная, маленький вихрь. И в то же время девчонка. Ранимая и чувственная. Ее деловитость и самостоятельность казались Гранду мыльным пузырем, оболочкой, сквозь которую он видел кого-то, нуждающегося в защите. И его нутро инстинктивно откликалось. Взять хотя бы тот ее поход на склады ночью или повисшую на обрыве машину.

Им всем повезло тогда. Самой Джулиане, бедной Онди, и ему, Гранду, успевшему зацепить тросом и оттащить от пропасти авто до того, как просядет под напором сухое дерево.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.